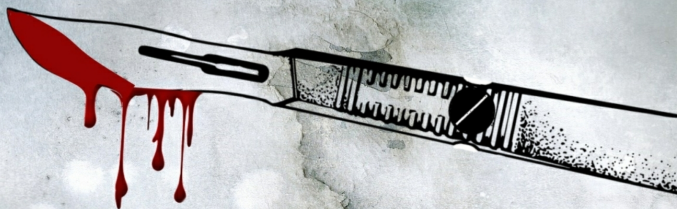

Владимир Блецко

Лишние части

Психологический
роман-триллер

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Блецко

Лишние части

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61650147

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-03738-0

Аннотация

Мистический триллер, написанный от имени психически нездорового человека. Хотите окунуться в душу преступника? Тогда вам стоит прочитать это произведение. Все совпадения случайны! Людям с нестабильной и слабой психикой или принципиально нездоровым мышлением произведение читать запрещается! Осторожно, присутствуют сцены насилия и жестокости! К сожалению, чтобы образ преступника был полноценным, эти сцены обязательны.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Вступление	4
Первая часть	8
1	8
2	10
3	13
4	17
5	20
6	25
7	30
8	36
9	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Владимир Блецко

Лишние части

Вступление

Стоять поздней ночью на автомобильном мосту над рекой в морозящий дождь – моё любимое занятие. Обычно в это время тихо и спокойно вокруг. Огни города полосами света скрещиваются в воде и тянут ко мне свои пальцы-лучики, вбирая в себя моё сознание. В такие моменты, переставая быть собой, я чувствую мир своим, родным, лёгким. Мерцание реки дрожит настолько близко к мыслям, что перестаёшь понимать, кто из вас думает – ты или река. Или ночь. Облокотившись о перила, я считаю счастливые секунды мира внутри.

– Стой, стрелять буду! – раздаётся голос где-то позади. Мой покой нарушен. Зачем мечущиеся люди во тьме, портят эту тьму? Не понять. Повернувшись в сторону раздавшегося голоса, наблюдаю из под низко надвинутого капюшона картину преследования мужчины мужчиной. Да Бог с ними, с поведенческими нормами! Прокую с политики сохранения правопорядка, если в головах ничего не держится? Воевать нужно в идеале «во имя чего-то», в крайнем случае «за что-то», но не «с кем-то» – смысла не будет. На моих гла-

зах разворачивается привычная картина – преступник и бегущий по его пятам полицейский. Одно и то же, как всегда! Страж, у тебя в руках оружие! Сними ты этого бегуна, если уж так хочешь его догнать! Нет! Культура проповедует стрелять только в ответ, в лучшем случае – сначала предупредительный в воздух. А самый оптимальный вариант – не стрелять вообще. Вы серьёзно? Он ведь убегает. Разве не проще распределить роли сразу? Жертва всегда бежит. Воин сражается. Хищник нападает. Это уже человек выдумал ловушки, хитрости, стратегию. Впрочем, думал, что выдумал. Человек изменчив. Вот и сейчас! Жертва резко останавливается, разворачивается и, вытянув вперёд в своей руке, как оказывается, пистолет, стреляет почти в упор бегущего за ней стража правопорядка. Полицейский, ответно вытянув руку с оружием, ловит собой пулю, роняет своё оружие и валится на тротуар, в сторону отлетает вслед за выпавшим пистолетом от падения рация. Преступник исчезает. Полицейский корчится на земле. Чего он добился? Добился ли? И что из этого норма? Ничего. Нет нормы. Я иду к побеждённому человеку. Теперь он уже не охотник, не преследователь. Гибнущий организм без характеристик. По асфальту в мою сторону струятся ручейки воды, тянущие тонкие багровые полосы смеси прозрачной влаги дождя с кровью этого человека.

– Помогите! – шуршит полицейский, когда я склоняюсь над ним. Он видит только мои глаза – не так давно в нашей стране прошла эпидемия с карантинным режимом, и многие

до сих пор носят санитарные маски в пол-лица. Белые, цветные, с вышивкой. Ценители всего прекрасного, мать их. Я ношу черную маску. Эстетично, мило. И я не люблю микробы.

– Присядьте, я должен снять Вашу куртку, – мягко говорю ему.

– Вызовите скорую! – просит он.

– Нет времени, я сам доктор. Вы теряете кровь. Нужно её остановить! Немедленно, – приказывающим тоном объясняю я. Помогаю сорвать с него куртку. Правый рукав его куртки тяжёл, по пальцам раненого плывёт масляно-красный ручей. Я вытаскиваю свой карманный складной скальпель моего личного изобретение, что ношу с собой постоянно, и вспарываю ткань рубашки, оголив руку потерпевшего до плеча. Рана уникальна. Пуля, войдя в рукав, скользнула вдоль руки полицейского, слегка надрезав кожу по длине предплечья, так, что она разошлась, порвав на своём пути парочку вен и глубоко засев в сгибе локтевого сустава. Я сдёрнул ремень с брюк мужчины и перетянул плечо раненого, потом отрезал рукав и, стянув рукавом разрезанную кожу на его руке, заставил зажать часть ткани локтем. Полицейский несколько раз взвыл, но подчинился, он всё ещё косится подозрительно на непонятный ему нож в моей руке. Когда первая помощь была оказана, я подал ему рацию, он немедленно вызвал скорую с её помощью.

Дождь постепенно омыл тыльную сторону предплечья, и я

увидел, что на правой руке потерпевшего есть давно зажившие небольшие порезы и ожоги.

– Значит, ты уже пытался его направить? – спросил я попутчика. Темный силуэт обречённо кивнул.

– Кого? – удивился полицейский. Он растерялся, услышав, что я говорю, смотря мимо него куда-то. Судорожно сглотнул и покосился на скальпель в моей руке. – Надеюсь, ты не больной?

– Нет, я лечу людей, – сказал я с сочувствием. – Тебе долго не везло. Это видно по горьким морщинам на лице, состоянию тела, одежде. Даже мимика твоя выдаёт, что ты всегда терпишь, но давление на тебя не прекращается. Верно? Карма, брат, – я чётко видел чёрную, обвивающую два пальца на руке раненого человека, нить. Издалека слышалась сирена приближающейся скорой помощи.

– Ты психолог какой-то? Да, была у меня проблема, вечно на правую руку беды сыпались. Да и вообще всё как-то... Ерунда всё это, до свадьбы заживёт, – он попытался улыбнуться, понимая, что помощь уже близка.

– Я помогу. Видишь ли, тебе кое-что мешает, – взяв бережно кисть повреждённой руки полицейского, я резким движением отсёк мизинец и безымянный на этой руке. Напоследок я сказал ему. – Теперь всё будет хорошо!

Полицейский кричал, когда я встал, сунул его отрезанные пальцы себе в карман и ушёл.

Первая часть

1

Начиная с пяти лет, насколько я помню, я, смотря на, практически, любого человека, видел странную картину – человек раздваивался у меня в глазах. Это было странное ощущение: стоящий передо мной был реален, но за спиной у него находился второй он, такой же, но другой. Вторым образом всегда был привязан к первому бархатной блестящей чёрной линией, соединяясь во всех случаях совершенно в разных местах. Мне было непонятно почему. Мои родители, у которых почему-то не было привязанных темными нитями к ним образов, смеялись, когда я, ещё совсем малыш, бегал вокруг кого-нибудь и пытался схватить эту чёрную красивую нить или пощупать второй образ, у меня это не получалось, я плакал, раздражался и психовал по этой причине. Родители, когда я им рассказывал про второго дядю или тётю, мальчика или девочку за спинами знакомых или родных, говорили, что я гиперактивный ребёнок и выдумщик. Пару раз водили к врачу, который задавал много вопросов о вторых дядях и тётях, девочках и мальчиках, много других интересных вопросов обо всём на свете, из того, что я мог понимать, играл со мной в разные несложные игры и проводил тесты. По всем

тестам и играм я в его глазах оказался обычным ребёнком, а по поводу моих видений образов он сказал родителям, что это возрастное, воображение, как если бы я придумал себе вымышленных друзей. Вскоре я научился не показывать никому, что что-то вижу, и моя жизнь потекла размеренно и спокойно для всех окружающих, но я всё-таки продолжал видеть «вторых людей», как я их называл в детстве. Ещё тогда мне было очень интересно разгадать загадку моего зренья.

Немного повзрослев, я стал называть «вторых людей» личными «попутчиками». Самих людей, реальных, которых попутчики сопровождали, я называл «хозяевами». Своего попутчика я не видел, видимо, его не было, или именно мне он не был нужен. Кстати, у некоторых людей попутчиков не было, это было очень странно. Я не понимал, почему не у всех они есть, но чувствовал, что именно в этом и заключена отгадка на мои вопросы.

Когда мне исполнилось пятнадцать, я заметил то, что не замечал раньше в поведении незримых для других людей попутчиков. Они постоянно противились действиям своих хозяев, как будто требовали чтобы, прежде чем совершать все эти действия, хозяева должны были сделать что-то ещё очень важное. Что именно важное должны были сделать хозяева попутчиков, я не мог понять, пока не случилось кое-что, открывшее мне глаза. Это была первая подсказка.

2

В один солнечный день, я сидел возле дороги, на бордюре и рисовал автомобили в виде комиксов. Рядом валялся скейтборд – мой любимый транспорт. Ещё в десять лет я начал рисовать, пытаясь передать на бумаге двойственность моего восприятия, постепенно увлёкся комиксами, стал рисовать всё подряд в мультяшном виде и искал свою линию, постепенно совершенствуя свои навыки, рисуя всё подряд в любое свободное время. Машины мне нравились, они были такими разными, одни со злыми выражениями «лиц», другие с весёлыми. Вообще, мне казалось, что все автомобили разные, даже одной модели и года, у каждого свой характер и настроение. Скорее всего, это было моё воспалённое воображение, но, тем не менее, нарисованные мной на бумаге, машины обретали личность и оживали.

Так вот, сижу я, рисую стоящий у обочины мерседес, кажущийся мне рыцарем, стоящим на страже покоя и мира людей. Он, мерседес, величественный, как древняя статуя, занимает всё моё воображение, и тут, отвлекшись на мгновение от своего занятия, наблюдаю необычную картину. Дорогу, прямо перед «моим» мерсом, переходит совсем юная девушка, примерно моего возраста. Слегка инфантильная на вид, задумчивая, погружённая в свои мысли. Её попутчица весела, радостно пританцовывая, летит за ней и даже

как будто подталкивает её идти в этом направлении вперёд. Неожиданно, даже для меня, из-за мерса вылетает на большой скорости джип и сбивает эту девочку так, что она отлетает на тротуар, одной половиной лица проехав по асфальту, замирает и лежит неподвижно. На асфальте, там, где проехалось лицо девочки, блестит какое-то светлое пятно с ярким зёрнышком. Я понимаю, что это золотая серёжка девочки зацепилась во время скольжения потерпевшей по асфальту за какой-то бугорок и осталась там лежать вместе с оторванным ухом. Закричала какая-то женщина, проходящая мимо, но я смотрел на девочку и её попутчицу. Их бархатная нить разорвалась, и попутчица медленно вливалась в девочку, сливаясь с ней, пока полностью не исчезла. Под девочкой растекалась лужица крови, одна нога была вывернута. Из остановившегося джипа выскочил мужчина с белым лицом, замер на мгновение, потом сжал кулаки на секунду, побежал к пострадавшей, поднял аккуратно девочку, положил в машину на заднее сидение и улетел с места происшествия. Кричащая женщина, свидетельница наезда на девочку, стояла, как вкопанная, потом вытасила телефон, набрала номер и стала с кем-то беседовать. Бомжеватого вида прохожий с синим лицом, тоже свидетель наезда на девочку, оглядываясь по сторонам, не спеша подошёл к оторванному уху с серёжкой, наклонился, поднял данный оторванный предмет, сунул в карман и скрылся. Я сидел на бордюре, опешив от всех этих событий, держа в руке карандаш, а в другой листок с недори-

сованным мной автомобилем. Мне не было страшно, я просто завис от всего увиденного.

Скоро приехала полицейская машина, из неё вышли стражи правопорядка, отгородили место трагедии и стали опрашивать женщину, которая так и стояла на том же самом месте со своим телефоном. Меня из-за мерседеса видно не было, да и не желал я сейчас что-либо с кем-либо обсуждать. Я видел то, что никому объяснить бы не смог, а именно – нить связывала девочку с попутчицей как раз в районе уха! После того, как ухо было оторвано, нить с хозяином разорвалась по непонятной мне причине, а попутчица, освободившись от хозяина, могла делать всё, что пожелает, но почему-то слилась с хозяином. Зачем? Понять причину я не мог. Мне нужно было знать, что произошло на самом деле, почему чёртова попутчица слилась с хозяином, и что всё это значило! Умерла девочка или нет, что будет с ней дальше? Эти вопросы волновали меня. Я прислушался к тому, что происходит на месте трагедии. Сидя в двух шагах от места преступления, я услышал, как полицейский, на вопрос женщины о состоянии девочки, ответил, что девочка особо не пострадала, что находится в 4й городской больнице, состояние стабильное, травмы не критические. Я подумал, что девочке несказанно повезло. По моему мнению, такой удар автомобиля должен был мгновенно убить её. Я незаметно вышел из зоны аварии и поехал на своём скейтборде в сторону городской больницы №4.

Что ожидал я найти в больнице, не знаю. Зайдя в вестибюль больницы, я направился к справочному окошечку. Там сидела серьёзная мадам с очень кислой попутчицей привязанной нитью к правой груди дамочки, где-то в районе соска или ниже. На другой груди висел бейдж с именем «Надежда». Взглянув на бейдж, я опять перевел взгляд на бархатную нить от попутчицы, то есть снова посмотрел на правую грудь сидящей дамы. Выглядело так, будто я глазею на прелести Надежды. Видимо мой взгляд на её, действительно привлекательную, полную грудь, понравился мадам, она улыбнулась смущённо, понимая, что я ещё подросток, но, тем не менее, показав, что ей приятно моё внимание. Я вежливо заговорил с Надеждой, стараясь придать голосу более грубый оттенок. Получилось так себе, но дама поняла и оценила мои попытки казаться старше.

– Здравствуйте, – ласково поприветствовал я Надежду.

– Добрый день, молодой человек, – ответила она, глубоко вздохнув, отчего её прелести прекрасным образом поднялись и опустились. Уверен, Надежда производила впечатление на мужчин такими манипуляциями. Мне было приятно, что ко мне отнеслись, как к взрослому мужчине, я тоже слегка вздохнул, создав видимость положительной реакции на столь эффектную женщину сидящую передо мной, что было

несложно, и продолжил беседу.

– Вы так хорошо выглядите, что я чуть не забыл, зачем пришёл, – я слегка замялся и погрустнел, потом быстро заговорил, настолько убедительно, как только мог. – Тем не менее, я был невольным свидетелем уличного происшествия. Сбили девочку. Да сих пор не могу прийти в себя. Почему-то взволновала её судьба. Жива она или нет. Слышал, что её повезли сюда. Не подскажите, что с ней, пожалуйста! Мне очень важно это знать! Девушку сбила машина, она примерно моего возраста, тоненькая, светлая. Я уверен, что Вы знаете, о ком я говорю. Ведь не так часто привозят девушек попавших под автомобиль? Её сбил джип. Ей, кажется, повредило голову при ударе автомобилем и, скорее всего, ногу. Насколько я могу судить. Помогите, пожалуйста! Мне очень нужно!

– О, молодой человек, вы, кажется, влюбились, – дама снисходительно, с лёгким налётом сожаления на лице, покачала головой. – Мне вообще-то нельзя говорить данные пациентов, если Вы не родственник! Но я не зверь, не подумайте, – Надежда подмигнула мне и улыбнулась. Она немного подумала и добавила. – Впрочем, учитывая, что с девочкой всё в относительном порядке, я даже подскажу Вам, в какой палате она лежит. Вдруг Вы когда-нибудь станете родственниками, – Надежда подмигнула мне снова. – Мне было бы приятно, если бы обо мне беспокоился такой приятный молодой человек. Итак, девушку зовут Анна Верхнева. На

данный момент она находится в палате №31, но к ней Вас не пропустят. Её состояние ещё проверяют. Девушка сейчас, кажется, пока без сознания, потеряла много крови, у неё обе ноги сломаны. Приходите через пару дней. Возможно, её разрешат навещать, хотя Вас вряд ли пропустят, если только Вы не родственник. Я, кстати, как раз работаю через два дня. Смогу поинтересоваться у девушки, вдруг она пожелает видеть незнакомца, так переживающего за её самочувствие. Вас устраивает такое предложение?

– Да, конечно! – я от радости чуть не затанцевал у окошка. – Я просто хотел узнать, что у неё всё в порядке. А принести что-нибудь ей можно? Как Вы думаете? И Вам, конечно! Вы любите шоколад?

– Обожаю шоколад. Особенно белый. Можете принести фрукты своей девушке, внутренних повреждений у неё как будто нет, значит можно всё. Сами решите этот вопрос. Только не говорите, пожалуйста, молодой человек, что это я Вам сообщила эту информацию. Вы мне симпатичны. – Надежда улыбнулась, помолчала и добавила. – Думаю, Ваше внимание и поддержка будут приятны очнувшейся девушке. До свидания, молодой человек.

– До свидания, Надежда! И спасибо Вам огромное, я Вас не подведу. Будьте спокойны. Хорошего дня Вам, – я ещё раз посмотрел на кислую тёмную физиономию попутчицы Надежды, подарил свою самую лучшую улыбку обеим и ушёл. Мне нужен был повод вернуться. Я уже знал, что сделаю.

Выйдя из больницы, я бросил скейтборд на землю, привычным движением вскочил на своего «коня» и помчался обратно к месту аварии.

Бомжа-свидетеля я нашёл в соседнем дворе, в беседке с таким же, как он, очаровательно прекрасным другом. У обоих были попутчики, правда, какие-то совсем уж обречённые. Друг был краснолицым и очень нетрезвым, он мычал и что-то пытался объяснить «моему» бомжу, но язык его не слушался. Тогда он кричал:

– А-а-ыы! Ы-ощ!

– Васёк, чо ты хочешь? Скажи нормально! Я не понимаю! – пытался образумить друга мой бомж, в тот момент, когда я подходил к ним. Запах бомжей мне очень не понравился. Никогда ранее я не приближался к такому типу людей, теперь я понял, почему и не стоило этого делать. Мой бомж увидел, что я подхожу к беседке, и оттопырил нижнюю губу. Пробурчал, уже обращаясь ко мне. – Чего надо? Видишь, занято? Я не барагожу, Васёк тоже. Что хочешь? Меня недавно такие, как ты отоварили, видишь? Видишь лицо синее? А? – бомж распался. Мне нужно было его успокоить.

– Я не бью людей, у которых нелёгкая судьба, – с сочувствием сказал я бомжу. – Мне тягостно видеть Вас в таком положении. Могу я чем-то помочь?

– Не понял! – мой бомж как-то сник, но успокоился, хоть и недоверчиво косился на меня заплывшими глазами. – Чем ты помочь можешь? Бухло есть?

– Мне не приходилось ещё покупать алкоголь, если Вы об этом, – осторожно сказал я и предложил бомжу. – Могу дать Вам денег, купите сами, если Вам срочно нужно выпить. Какая сумма Вас интересует? Я могу предложить немного, конечно, но даже это небольшое имеет свою цену. Я дам Вам денег, если Вы окажете мне услугу и отдадите кое-что потерянное моей подругой. На дороге потерянное, в крови, – прищурившись, добавил я.

Бомж забегал глазками, мысли вертелись в его голове, он посматривал на Васю, на меня и даже разглядывал рваный кед на своей ноге. Продолжалось размышление моего нового собеседника недолго.

– Ничего я не находил. Чо за потерянное? Откуда у тебя деньги? Сколько есть? – несвязанными между собой отрывками заговорил мой бомж.

– Мать даёт. Я копил на новый скейт, но куплю на них у Вас серёжку, – чётко ответил я. – Вот только вместе с оторванной частью тела девочки. Они у Вас?

– Пацан, иди-ка ты! А сколько ты накопил уже? – мой бомж, как я заметил, был очень непоследовательный человек. Впрочем, меня это не волновало.

– Пятьсот двадцать рублей. Четыреста пятьдесят могу отдать. По рукам? – протянул я руку бомжу, стараясь, чтобы меня не вырвало от его благоуханий.

– А чо не пятьсот двадцать? Серёжка золотая, дорогая! – облизывая губы, промурлыкал мой бомж, начиная тянуть

мне руку.

– Потому что я так решил, – ограничился я ответом. Добавил через секунду. – Где вы держите меня интересующие предметы? Я хочу видеть товар.

Бомж залез в карман, вытащил мешочек, из которого высыпал на столик в беседке какие-то стекляшки, палочки, огрызки карандашей и обломки расчески. Среди всего этого хлама было испачканное кровью и грязью ухо девочки с серёжкой.

– Извини, замаралось как-то, – пожал плечами бомж и протянул мне покупаемый мной предмет. Я вытащил деньги и бросил на стол беседки.

– Хоть поесть себе купите, не только водки, – озабоченно сказал я, забирая ухо девочки с противной ладони бомжа, покрытой какими-то цыпками. Завернул в платочек. Положил в нагрудный карман.

– Пацан, не ссы, разберёмся что делать! Я знал, что эта серёжка мне на счастье попала, – сказал мой бомж и схватил деньги со стола. Довольно ухмыляясь, он толкнул Васю в бок. – Васёк! Вставай, братан! Я на похмел нам нашёл!

– А-о-о-ыщц! – заорал Вася, и я, резко развернувшись, ушёл из жизни этих двух людей.

5

Мои родители неплохо зарабатывали. Отец, инженер-изобретатель по профессии, потерявший по молодости два пальца на руке что-то мастера, когда-то придумал несколько любопытных вещей, которыегодились многим хозяйкам на кухне, и давно уже не работал официально, получая хорошие проценты с продажи лицензий на использование его изобретений разным компаниям. Мать с помощью денег отца открыла кафе с какой-то программой для влюблённых, знакомств одиноких сердец, которое пользовалось большой популярностью. Странно, что у матери моей вообще всё по жизни получалось. И училась прекрасно, и мужа, моего отца, встретила талантливого и заботливого. Работала на двух работах, пока мой отец изобретал. Она верила, что он всего добьётся. Отец добился. Она рассказывала, что в детстве ей никогда не везло, пока она не переболела неприятной болезнью, и ей вырезали селезёнку с опухолью. Так что родители мои были счастливой и красивой парой, довольные своей жизнью. Ещё, когда мне было 5 лет, мы переехали из душной городской квартиры в частный трёхэтажный дом с четырнадцатью комнатами. Отец пристроил себе мастерскую, расширив гараж. В гараже стояли три автомобиля: один отца, другой матери и фургон для дальних поездок. В доме, кроме отдельных родительских кабинетов и

обычных комнат, были: библиотека, комната с тренажёрами и небольшой бассейн с подогревом. Так же и у меня, кроме моей личной комнаты, был кабинет-студия, где я мог заниматься рисованием или читать. В личные кабинеты никто другой из членов семьи входить не имел права, мы соблюдали это негласное правило нашей семьи. Только мама раз в месяц проводила генеральную инвентаризацию на наличие ненужных вещей и убиралась в наших с отцом кабинетах. У мамы был бзик насчёт старых и ненужных вещей, они выкидывались без нашего одобрения. Рваные скатерти, занавески, накидки на кресла, стулья, мои игрушки, которые мне могли по её мнению наскучить, тапочки начинающие выглядеть стоптанными, ну и всё, что она посчитает нужным, кроме творческих работ, были немилосердно ею отправлены на помойку. Мы с отцом не спорили. Новое купить было не сложно. Правда, я в детстве ещё начинал поскуливать по поводу любимой игрушки, к примеру. Мама на это фыркала, дразнилась и тащила меня в торговый центр, выбирать новую. Я успокаивался.

Мало кому, наверно, посчастливилось жить в таких условиях, но мне такие условия нравились. Плюс ко всему у меня был маленький секрет в кабинете.

Когда мы переехали, родители сразу выбрали себе кабинеты и заранее выбрали мне. Небольшой кабинет, уютный, со встроенным шкафом в стенной нише. К десяти годам, я уже знал, что если я закрылся в кабинете, никто не имеет права

меня беспокоить. Знал я так же, что за шкафом есть тайная комнатка! Вероятно, эта комната когда-то использовалась, как место для выполнения домашних заданий ребёнка одних из прежних владельцев, а после переделанная в тайную уже другим владельцем. Я обнаружил её случайно. В шкафу не было полок, только перекладина для вешалок, которую отец убрал и предложил мне складывать в шкафу в стопки свои рисунки на память, поэтому я часто заглядывал в шкаф, чтобы сложить туда очередной листочек. Однажды, открыв дверцу шкафа, я заметил, что на боковой стенке внутри торчит небольшая дощечка. Когда я нажал на эту дощечку задняя стенка шкафа отщёлкнулась и приоткрылась. Я перелез через свои художества и толкнул заднюю стенку, оказавшуюся дверью. За шкафом был короткий коридорчик в два шага, оканчивающийся комнаткой метр на два. У противоположной стены стоял узкий стол от стены до стены со стулом перед ним, над столом висели такие же узкие полочки. На потолке видела лампочка без абажура. Так у меня появилась тайная комнатка, о которой не знали даже родители. В этой комнате я расставлял любимые игрушки на полочках или рисовал, сидя за столом в тишине, когда прогуливал школу. Так же, я нашел на столе дневник прежнего владельца. По всем признакам, это я уже понял став постарше, владелец был слегка не в себе. Во-первых, дневник назывался «Цитаты и мечты одного человека», во-вторых, сами цитаты и мечты были странными. Там были даже стихи, которых я не

понимал. Приведу несколько выписок из дневника. Мои любимые, от которых становилось не по себе.

Первый пример: «Хотел бы я быть беременной бегемотихой! Это такое счастье – торчать одними глазами и ноздрями из воды и никого не бояться! Ты фыркаешь, а внутри тебя пофыркивает, возможно, маленький не рождённый ещё бегемотик! Это чудо! Почему я мужчина, человек, а не беременная бегемотиха?»

Второй пример: «Цепи цепляют цепи!

Цели целятся в цели!

Люди лютые ладят!

Гады гадкие гадят!

Пульсом о пульсы щелкнешь,

Льдом под дождём промокнешь!

Нет у судьбы крещендо,

Только песочной лентой

Падает звёздный пояс.

Псами цепными голос

Напоминает радость.

Только уже не надо!»

Третий пример: «Я сегодня никуда не пошёл. Не хотел никуда не пойти, но сделал по-своему. Почему я сделал по своему, никуда не пойдя? Может, я должен был идти? Кто из меня двоих решает, идти мне или не идти? Не идти. Идти? Я первый из двоих или второй? Или второй из первых одного? Посредник? Вопрос. Странно всё это! Я должен бы знать. Не

знаю. Кто знает?».

Иногда я перечитывал этот дневник. Чем-то мне нравился этот странный человек, но также он меня немного пугал. Хорошо, что его уже не было. Думаю, если бы он был, то дневник не остался бы здесь. Всё это осталось «вчера».

Сегодня я вернулся домой, прошёл в свой кабинет, пробрался в тайную комнату, освободил от ненужных мелочей полку и поставил на эту полку банку с заспиртованным в ней ухом девочки, а рядом положил её красивую маленькую золотую серёжку. Полюбовался немного и вернулся в кабинет. Сел за стол, открыл альбом и принялся воодушевлённо рисовать.

В эту ночь мне приснился неожиданный сон.

Я, будто, женат, девочка без уха – моя супруга. Детей у нас нет. Однажды мы нашли ребёнка на пороге своего дома. Младенца, обёрнутого тонкой тканью. Рядом лежала мягкая, упругая полупрозрачная подушка из невероятно крепкого материала со странно кривым швом посередине. Я пробовал её разрезать, мне интересно было, что это за материал. Внутри подушки как будто что-то плавало, создавалось впечатление, что под материей какие-то ящички покрытые гелем. Разрезать не получилось, я убрал эту вещь подальше. Ведь она была рядом с теперь уже нашим сыном. Вдруг пригодится?

Странно, что во сне никогда не появляется вопрос отцовства или материнства, никто не должен оформлять опеку, а принимаешь любой факт, как должное. Вот нашли мы ребёнка, и во сне он уже наш. Может, в реальной жизни люди всё усложняют? Или мы не достаточно развиты, чтобы позволять себе в реальности быть сложившимися личностями? Я часто сравниваю вероятности и понимаю, что вероятностей всегда больше, чем одна. Если это так очевидно, то страх людей должен состоять только из двух метафизических вещей – выбрать правильно или нет. «Стоя над бездонной пропастью и чувствуя за своей спиной жаркое дыхание рас-

свирепевшего гризли, бросишься ты вниз или развернёшься и примешь неравный бой?» О, конечно, это ещё одна цитата из многих других прочитанных мной в дневнике неизвестного человека, которые я постоянно ношу в голове.

Перескакиваем время, сыну десять лет. Во сне это так же происходит быстро, как будто бесполезные годы стираются сознанием, как ненужная информация, оставляя только фокальные точки той или иной ситуации. Если бы этот сон был про рыбалку, к примеру, то время скакало бы от одного случая ловли рыбы к другому. Тоже вариативная информация. Жизнь – кардиограмма множества параллельных дел. Одни мы запоминаем, к другим стремимся, третьи отвергаем, как недостойные нас. Сугубо индивидуально.

Итак, сыну десять лет. На пороге нашего жилища появляется незнакомец, желающий видеть своё дитя. Он оставил своего ребёнка на нашем пороге по причинам, о которых не желает распространяться, единственное, что может сказать, это то, что оставил ребёнка в большой спешке. У меня и супруги нет причин не верить ему. Сны – такая забавная вещь, они показывают совершенно иное понимание окружающего мира. Почему во снах я невероятно прост? С такими мыслями я теряюсь в размышлениях. Какими мы должны быть на самом деле. Полными идиотами? Или в процессе эволюции ложь невозможна, как факт. Вдруг, умение лгать – ошибка самосознания именно нашей цивилизации. Кто знает?

Мы с супругой показываем незнакомцу сына, они беседе-

ют. Я не ревную. Не задумываюсь о том, что ребёнка могут попытаться забрать. Думаю, если бы забрали, мы бы приняли это, как данное. Но удивительно, что незнакомец не пытается забрать своё дитя. Раз отдал, то уже отдал – тоже чёткая формулировка сна.

Я приношу и показываю незнакомцу подушку с вопросом: «Зачем данный предмет?». Незнакомец говорит, что на их планете еда готовится непосредственно перед употреблением. Говорит, что пища должна быть без контекста убийства и нарушения гармонии мира. Их раса, от которой мы якобы произошли, ценят жизненный путь любого существа на планете, который, не будь нас, людей, был бы завершён естественным путём. У животных не бывает кармы, они берут всё от надобности, мы впрок, часто теряя над собой контроль. Я плохо понимаю смысл рассказа незнакомца и интересуюсь, причём здесь подушка.

– Смотри, – говорит отец нашего ребёнка. Проводит пальцами по кривому шву и подушка раскрывается, превращаясь в чашеобразный поднос с секциями. В одной из секций пищевой принтер начинает печатать мясную вырезку, довольно быстро. В другой секции начинает колоситься генетически модифицированная трава, которая вырастает, наливаясь колосьями, осыпает вниз зёрна, падает и растворяется в питательной среде, из которой выросла. Зёрна же остаются на поверхности, видимо распознанные средой, как конечный продукт, их напитывает влагой, и они начинают распари-

ваться в созданном энергетическом поле, источая приятный запах, смешиваемый с уже готовящимся напечатанным мясом, начинающим красиво подрумяниваться в соседней секции. Третья секция, из которой вытягивается волнистая трубочка, медленно наполняется какой-то жидкостью. Незнакомец уточняет, – белки, жиры, углеводы в пищу. Витаминный напиток делается для питья. Всё сбалансировано и рассчитано на оптимальное насыщение организма. Машина распознаёт вес и пол человека, сама выбирает нужные рецепты приготовления. Всё просто. Эта пища создана для еды. Она не знает другого предназначения. Природа не участвовала в её создании. Мы создали этот процесс, независимо от природы. Это портативная модель, модель путешественника. В ней несколько программ, продукты производятся с учётом предыдущего потребления. Конечно, в наших домах кухонные машины умнее и более продуктивны, они планируют процесс потребления пищи на несколько лет, в них даже можно выбирать себе еду, машина всегда подгонит по количеству калорий для каждого в отдельности. Вот что это за «подушка», как Вы её назвали. Я не учёл, что вы не догадаетесь, как ей пользоваться. Не мог же я оставить ребёнка без еды другим людям! Я же заботливый родитель! Эта машина прекрасно готовит материнское молоко, с нужной температурой и равномерной подачей в организм ребёнка, участие женщины не требуется, трубочка гибкая и не может повредить рта ребёнку. Жаль, вы не догадались провести ладонью

малыша по контрольному шву машины. Хотя, теперь я понимаю, что Вы вряд ли поняли, что делать с этим аппаратом дальше. Может даже испугались бы, увидев процесс изготовления. Рад, что Вы выкормили моего ребёнка без машины. Это удивительно. Спасибо!

Я смотрю на него и думаю о том, что я ничего не знаю о природе, не знаю о создании каких-либо независимых процессов. Я тот самый сухой пень, что стоит в лесу для того, чтобы стоять в лесу, а уже живые организмы вокруг решают, как со мной поступать. В глазах жены я вижу такие же эмоции, как у меня. Мне становится жалко моего приёмного сына, и я просыпаюсь.

– Почему я не спросил этого человека с другой планеты о том, к чему должен стремиться человек вообще и зачем мы существуем, как отдельный вид? – С сожалением говорю вслух. – Стоило во сне встретиться со своим предполагаемым развитым во всех отношениях предком, чтобы весь сон рассматривать долбаный инопланетный кухонный комбайн. Верх совершенной глупости! Был бы я воспитан хуже, чем есть, я бы выматерился.

Через два дня с утра я уже был в вестибюле больницы. Прилично одетый, в руках пакет с фруктами и герберой, в центр которой я приколот золотую серёжку девушки. На стебель герберы повесил маленькую открытку с подписью «Загляни в цветок. Твой друг». Надежда, увидев меня, усмехнулась и слегка кивнула, когда я протянул ей три шоколадки: белый, белый с молочным и белый пористый.

– Вы решили меня покорить полностью, молодой человек? – поинтересовалась она.

– Нет, что Вы, Надежда! Просто считаю, что удовольствие никогда не должно выглядеть, как реформа минимализма. Мы слишком склонны к ограничениям, когда есть возможность получить больше, – «умный я» всегда производил впечатление на людей. Скорее всего, мне доставляло удовольствие видеть восхищение мной в глазах других людей. Воспитание, что сказать.

– Думаю, тебе больше интересна девушка по имени Анна? – поинтересовалась Надежда. Я кивнул. Надежда кивнула. – Тогда могу тебя обрадовать. С ней всё в порядке, посетителей пропускают. Можешь пройти.

– Могу я передать ей вот это? – скромно протянул я Надежде цветок и пакет с фруктами.

– Если пожелает меня видеть, тогда я зайду. Не хочу ока-

заться незванным гостем.

– Да, парень, ты умница! Почему за мной так вежливо никто не ухаживал? Давай передачу, – Надежда протянула руку, взяла мои подношения. – Жди здесь, я быстро, – встала и ушла.

Я ждал недолго. Надежда вернулась, с любопытством посмотрела на меня и сказала:

– Вас пригласили войти. Только скажи мне, почему девушка так разволновалась, понюхав твой цветок? Она была то ли в ужасе, то ли в восторге, мне трудно было разглядеть через бинты на её лице, но вела себя возбуждённо.

– Женщины вообще народ труднообъяснимый. Откуда мне знать, почему. Может, просто попал в точку с букетом, – я создал невинное выражение на своём лице и пожал плечами.

– Палата та же, тридцать первая, третий этаж. Проходи, – Надежда протянула мне халат и пропустила меня через турникет, указав вход на лестницу. – Там, перед входом на этаж, ящичек с бахилами. Не забудь надеть. Удачи.

– Спасибо, Надежда, – поблагодарил я, натянул халат и, сдерживая внутреннее волнение, прошёл в указанном направлении, преодолел лестницу, не забыл про бахилы на входе в третий этаж, нашёл нужную палату, постоял перед дверью в палату, слушая, как бьется моё сердце в груди. Постучал.

– Войдите, – услышался голос за дверью, я вошёл.

На кровати полулежала девушка. На загипсованных ногах, приподнятых над кроватью простой конструкцией, накинута простыня. Голова девушки почти вся забинтована, видны только глаза, выпуклость носа. Не перебинтованы только рот с подбородком, значит челюсть не повреждена. В руках девушка теревит подаренную мной герберу и внимательно смотрит на вошедшего, то есть, на меня.

– Я тебе нравлюсь такой? – спросила она отрывисто и глухо, будто через вату.

– Я не думал об этом. Знаешь, твои слова проходят фильтрацию и теряют резкость, – с этими словами я прошёл вглубь палаты и присел на краешек стула. – Думал, ты сразу спросишь про серёжку.

– Говорить больно. Лучше скажи, где ухо, из которого ты вынул её, – глаза девушки немного злы и не особо приветливы.

– Растёрто в прах. Было бы глупо собирать его по асфальту, – лгу я, но, неожиданно для себя, тут же признаюсь. – Оно у меня в банке со спиртом хранится. Так получилось, – пожимаю плечами и ожидаю реакции Анны.

– Пусть там и хранится, – её взгляд почему-то успокоился и она расслабилась. – Я бы не хотела, чтобы ты его сюда притащил. Было бы страшно увидеть своё ухо в чьих-то руках. А вот за серёжку спасибо. Бабушка подарила. Как ты меня нашёл?

– Слышал, как полицейские говорили, куда тебя отвезли.

И как тебя сбивали, тоже видел.

– Понятно. А зачем спёр неожиданно потерянное мной с места аварии?

– Сам не знаю, – объяснять Анне весь процесс желания не было. Меня интересовало другое на данный момент. – Анна, с тобой всё в порядке? Я бы хотел знать, что изменилось в тебе после аварии.

– Больной человек! – Анна попыталась усмехнуться видимо, но неприятные ощущения прервали усмешку. – То есть ты припёрся сюда поинтересоваться, какие ощущения я получила, в момент удара машиной или очнувшись без лица, с одним ухом и нараскоряку ногами? Ты, прям, джентльмен! Бесподобно себя чувствую, уверяю! Я в шоке.

– Извини, я не то имел ввиду, – мой мозг застопорился. Как объяснить, что я хочу узнать, чтобы меня не приняли за сумасшедшего? Тогда я ляпнул первое, что пришло мне в голову. – Анна, я рисовал машины, когда увидел, что с тобой произошло. Не знаю, как чувствовала ты себя в тот момент, но я потерялся на какое-то время.

– Художник? Тонкая натура? Значит, я отвлекла тебя от рисования перед аварией? Смотрел на меня? Приятно, наверно, – она задумалась. – Никак я себя не чувствовала. Перед аварией, я должна была идти в библиотеку, но что-то внутри потянуло меня к месту аварии. Прям так и случилось, я слышала отчётливо голос, который говорил: «Пойдём направо, теперь налево, переходи через дорогу!» Мне каза-

лось забавно делать не то, что я должна, а что-то интуитивное. В последний момент, увидев машину перед собой, испугалась, но как будто почувствовала облегчение, как будто что-то неприятное уже закончилось. Почувствовала сильный удар и исчезла. Очнулась тут. Только другой. Или почти той же самой, но с другими предпочтениями. Если раньше я хотела закончить университет, и выбирала на какую высокооплачиваемую профессию мне учиться, то теперь думаю, что мне больше по душе будет приют для бездомных и покалеченных животных создать. Душные офисы, сделки, деньги, учёба и т.д. – не моё это. Теперь я это понимаю. Как будто мысли в порядок привела. Я тебе понравилась там, перед аварией? – внезапно спросила Анна и отвернулась в сторону, ожидая ответа.

– Наверно. Я же смотрел на тебя.

– Хорошо. Ты ещё не представился. Скажешь своё имя?

– Глеб, – я и не заметил, что не назвался.

– Спокойное имя, – Анна помолчала. Я тоже молчал. Кое-что из сказанного ею о внутренних душевных изменениях наводило меня на определённые мысли, но картина в голове ещё не сложилась. Мне хотелось уйти и подумать в одиночестве, но что-то останавливало. Грубо было бы сейчас встать и уйти. Анна предложила. – Посидишь со мной немного? Отец придёт вечером, на работе сейчас. Матери нет. Бабушка умерла. Так что посетителей не ожидается.

– Чем будем заниматься? – спросил я, тут же поправив

сам себя. – Хотя, остаётся только разговаривать. Расскажи о себе.

– Не хочу о себе. Я тут пока лежала, думала о хрупкости человека и решила попробовать написать подобие книги о человеке. Прочитать тебе?

– Да, конечно. Я люблю дневники людей, хоть и читал всего один.

– Точно, я тебе прочитаю набросок! Определюсь, писать дальше или нет. Слушай! – Анна взяла с прикроватной тумбы тетрадку, раскрыла и начала читать. Я внимательно слушал.

«Пролог

Меня всегда удивляла и тревожила политика современной литературы. Особенно пара вопросов, которые я постоянно себе задаю. Почему нужно писать чётко и ясно, воздействуя на человеческие эмоции? Зачем писать вообще пьесы-трагедии, пьесы-комедии или, непонятно к какому жанру относящиеся, пьесы? Посмотри на себя в зеркало, разве не шут? Сам человек по себе выглядит странно. Но описывают характеры и ситуации.

Мне давно хотелось попробовать написать что-нибудь от себя, и, попав в одну нестандартную ситуацию, я решила написать книгу для идиотов. Ой, только не судите за обобщение, примеров приведу столько в процессе, что отпираться перестанете! Да, пора уже кому-нибудь написать самую глупую книгу на свете, которую будет, почему-то, модно читать, знать, обсуждать. Так же, злословить на тему этой книги, мечтать изловить автора, пожелать автору покончить с собой или пожелать самому покончить с собой после прочтения этой книги, попытаться доказать себе, что значишь в этой жизни хоть капельку чего-то, больше имеющегося. Нет. Вряд ли значишь. И не значил раньше. По себе сужу? Сам решай, читатель!

Глава первая «Красота человека»

Секрет красоты материи, как и не материи прост – ты красив или не красив, одно из двух. Что это? Шутка генофонда или желание предыдущего «красавца\ не красавца» продолжить свой бесполезный род дальше? Нарисовать-таки свою единственную картинку-карикатуру на себя! Может и не единственную, но нарисовать поскорее! А нарисовав, смотреть на неё, кормить и воспитывать! В первую очередь, конечно, кормить. Воспитание, это вообще интересная тема, грандиозно интересная тема, к ней мы ещё вернёмся. Итак, кормить в первую очередь. Во вторую тоже! А потом привык к карикатуре и как бы семья даже сформировалась. Фотографии там разные совместные: Вот мы попу моему творению моем; это мы срыгнули; здесь грызём угол серванта и т.д. по возрастающей . Чем старше творение, тем изошрённей и красивее темы фотографии сотворённой тобой живой картины себя! Милота, не правда ли? Вскоре сама, обретающая характер, картина начинает делать уже себя красивее! А теперь более детально!

Пункт а) Волосы

Волосы – это некий защитный покров, произрастающий с различной интенсивностью и интервалами по телу человека. Это не мех, это производное эпидермиса, прекрасное, надо сказать производное. На головах их, волосы, укладывают, меняют длину, цвет, курчавость и порой бреют. То есть – имеющие волосы на голове и не имеющие становятся намного красивее, когда меняют форму и цветовой спектр волос

на голове! С каждым новым изменением человек становится всё красивее и красивее, пока не потеряет почти весь свой волосяной покров, открыв замечательнейшую форму своего черепа другим таким же красавцам! Самое главное, что и потеря волосяного покрова на голове, это не повод расстраиваться! Существуют заменители покрова или можно усладить свой взор и других милovidной лысиной, что тоже является признаком своеобразной красоты! Волосы не произрастают только на ладонях, ступнях и губах. Поэтому они будут упомянуты, вероятно, в этой книге ещё не раз, в процессе перечисления остальных частей тела, объединяющего великую красоту человека!».

– Ты не устал слушать? – Анна отвлеклась от чтения и посмотрела на меня. Я сидел и думал, что очень удачно задержался в палате этой девушки. Рассказ о частях тела занимал меня, хоть и написано было не очень.

– Читай дальше. Я в восторге!

– Мне теперь кажется, что ерунда. Ну, ладно, слушай.

«О волосах человека много споров и статей. Очень трогательно видеть статью, например: «Почему не растут волосы?» или «В облысении не виновен!». Есть даже отрывки, читать которые очень важно, сочувствуя и переживая главным героям. Вот одна выписка из текста, в котором безумно жаль главного героя волосяной трагедии:

«Никогда не думал, что облысею! Не думал, что люди так переживают по поводу появившейся лысины! Я не замечал

лысин других людей, а когда сам оказался на их месте, только и думаю с горечью что о своей появившейся лысине! Как это ужасно!»

А научные статьи на тему волос – шедевры литературно-документального мира! К примеру:

«Учёные давно уже исследуют различные типы оволосения жителей разных климатических зон! Наблюдений накопилось много, но объяснить их так и не смогли. В ушах индейцев растут самые длинные и густые волосы, у израильтян – реденькие и кучые! Самое сильное оволосение на груди вокруг сосков обнаружили у негроидов! Под мышками у европеоидной расы по количеству волосков больше, например, чем у японцев! Зато у японцев, с ума можно сойти, волосы растут на фалангах пальцев рук, а у северян этих волос почти нет!»

Это же надо! Никогда бы не подумала, что столько умного написано про одни только волосы! А сколько ещё не исследовано? Вот, молодые первооткрыватели, примите к сведению – тайна волос ещё не разгадана, а это только первый подпункт в данном труде! Можно писать и писать о волосах много и интересно, ведь тайна красоты таит в себе столько нового и исключительно занимательного! Думайте, изучайте, на это вам голова и дана!

Пункт б) Голова

Голову, дорогой читатель, можно склонять! Туда-сюда, влево-вправо, вперёд-назад. Впрочем, и всё.

Но есть небольшой нюанс! Правильно склонить или повернуть голову – один из признаков красоты и грации человека! Если чуть-чуть именно так или не так наклонишь, то нормальной фотографии не получится! Это подтвердит любой имеющий на плечах голову! Тем не менее, голова всегда на одном месте остаётся – самая интересная, на мой взгляд, часть человека, и, конечно же, самая красивая его часть! Округлая, волосами не обделённая, две замечательные ушные раковины – органы слуха – торчат пропорционально с обеих сторон лица (передней части головы), включающего в себя наружные органы: зрения, в числе пары штук; обоняния, в виде выдающегося вперёд носа, имеющего парную комплектацию, правду сказать, более компактную; и в завершение, обрамлённое губами телесное отверстие – рот – предназначенное для принятия пищи и воспроизведения различных звуков, разных по важности и нужности.

Есть ещё кое-что важное, размещённое в полости головы – мозг, но к красоте он, практически, не имеет отношения, хотя благодаря мозгу действуют все красивые части и органы тела человека, поэтому пришлось вскользь упомянуть и его. Не зря же в древности люди съедали мозг побеждённого ими противника, чтобы заполучить его силу. Более о красоте мозга ничего не известно».

Анна закончила чтение и взглянула на меня.

– Как тебе? – скромно спросила она.

– Кажется, что последнее время то, что я слышу и вижу,

пытается взорвать моё сознание. Это всё? – я потянулся и встал. – Знаешь, можно дописать эту историю о красоте человека, но ты вряд ли захочешь, когда закончится твоё заточение в больнице.

– Я тоже так думаю. Дальше писать отчего-то не хочется.

Ты уже уходишь? – видя, что я встал, спросила Анна.

– Да, я пойду.

– Ещё придёшь?

– Не знаю. Хотел вернуть серёжку.

– Приходи, буду рада, – Анна отвернулась, и я, молча, вышел. Я не знал, захочу ли я ещё раз навестить её. В голове сидела фраза сказанная Анной о том, что раньше она не знала, что хочет сделать со своей жизнью, ориентируясь только на привитые нормы, а теперь почувствовала себя свободной и знающей чего желает. Видимо попутчица, недостающая часть Анны, вернувшаяся в неё – это тот вариант жизни, который ей нужен, правильный выбор пути. И достаточно убрать мешающую часть, чтобы человек мог стать полноценным. Вот только почему все попутчики привязаны к разным частям хозяев непонятно. Но теперь я уже знал, что ответ найти можно, нужно только очень захотеть.

В этот день я понял, какую профессию выберу. Я стану патологоанатомом.

Прошло несколько лет. Я поступил в медицинский вуз, как и планировал, и окончил с отличием. Поработал хирургом. Хорошая профессия, но меня постоянно раздражало, что нужно отрезать не то, что нужно! Зачем я буду отрезать больной орган или собирать кости, когда в нескольких сантиметрах от определённого слепцами больного органа видна обмотанная тёмной нитью сама суть проблемы? Удали её и человек восстановится быстрее! Невозможно! Невероятно! Не смог терпеть. Несколько раз мне удавалось провести анонимную операцию повторно, но если я буду пойман, делая незапланированные операции, кто поможет всем остальным? Пришлось прекратить мучить себя. Перевёлся. Теперь я работал тем, кем и хотел быть, патологоанатомом. Самая мирная работа. Не зря когда-то принял такое решение! Я работал с человеческим материалом, продолжал жить и гулял по ночам. Параллельно искал ответы на свои вопросы. Анну я больше навещать не стал. Зачем было отвлекаться? Если судьба нас ещё сведёт вместе, то буду рад, так как она первая, кто смог пролить свет на мои недопонимания. Больше всего остального меня беспокоили пробелы в моих суждениях.

Размышляя логически, я пришел к выводу, что попутчик это тот, кем ты должен быть, твоя настоящая версия, а ты сам – навязанная обществом и родовой последовательностью со-

бытий искажённая и неустойчивая позиция в жизни. Ты – ретро каких-то навязанных принципов кажущейся современности, оловянный солдатик поставленный, играющим глупым ребёнком, в одну линию с другими замершими фигурками бесполезной стратегии.

Изучив теории первых шаманов и врачей, проповедников и экзорцистов – как ни крути, попутчики не особо вписываются в материальный мир, – я исследовал материалы о кармических цепочках, так как именно в карму упираются все умы прошлого. Почему именно труды древних я посчитал самыми информативными для себя? По причине того, что головы людей тех веков не были забиты лишней информацией, они искали интуитивно, основываясь на фактах, и сохраняли в себе больше человечности, думая о будущих поколениях. Обманщиков в прошлых веках карали строго, поэтому прежде чем сказать что-то, во что поверят другие, нужно произвести правильное впечатление, доказать свою искренность. Многие из сказанного ими, я оценил положительно, но не всё. По моему мнению, ошибка заключалась в толковании кармы древними, они говорили о перерождениях и исправлении ошибок. Я предположил другой сценарий.

В священных писаниях говорится о проклятии детей грешников, что за грехи расплачиваться будут поколения, та же карма по сути. Но почему? Как ложится проклятие? Мой простой ответ – генетически. Если ты записал своими отвратительными действиями в свою генетическую цепочку

мерзкие характеристики, то характерные черты такого мировоззрения будут в генофонде твоих потомков, и кто знает, может твой потомок будет катиться всё ниже, передавая ещё более уродливый генофонд своим детям. Единственное, что меня интересовало, как исправить это падение личности, ведь есть версия настоящего тебя, которую, как на поводке ты водишь за собой. Та чёрная нить, за которую привязан настоящий ты, это минимум того, с исправления чего должен начать твой потомок. Прямое следствие последней ошибки. Тот внутренний голос, который слышит каждый, но ставит выше глупых слов попутчика, как бы всплывающих в голове самопроизвольно, свои интересы и предписанные обществом условия. Допустим, попутчик, привязан к тебе за ногу. Вероятно, твой отец или мать, отрубили тем или иным способом другому человеку ногу из низких побуждений, не во благо, не особо важно знать, как они это сделали, твоя карма – нога. Твой попутчик нашёптывает тебе: "Сунь правую ногу под трамвай!" Ты сделаешь это? Послушаешь свой внутренний голос? Нет. Инстинкт самосохранения не даёт сделать правильный выбор и жить с кармической свободой. Нет, ты будешь прыгать на двух ногах и не понимать, почему мир вокруг так жесток. Мир жесток, потому, что ты не искупил вину своего милого дедушки! Попутчик страдает, ведь он – это ты настоящий, а ты реальный сейчас – пустое место, неправильный вариант, не исправленная ошибка природы. И, как часто случается, слушая про отрубленные конечности, твой

мозг паникует и сознание начинает путаться, пока, в один прекрасный день, ты со психу или в пьяном угаре не покалечишь кого-то другого, прибавив к своей карме ещё худший вариант, стирая предыдущий. Теперь твой ребенок должен отдать другую часть тела, чтобы жить счастливо, например, глаза. К старости ты искупишь свою ошибку, потеряв возможность ходить, карма найдет тебя, Когда ты ослабнешь и состаришься, но будет поздно, ты уже заложил в генофонд своего потомка другую проблему, добавив новую характеристику. При удачном сценарии, прислушавшись к попутчику, ты станешь свободен и сможешь начать писать новую историю своей жизни. По этой причине Анна осталась без уха. Она искупила, не зная сама, ошибку родителей, прислушавшись к внутреннему голосу. Но это редкий случай. Не все попутчики так аккуратны и умны. Ведь не все мы умны изначально? Ум это степень развития. То, чего многим не хватает. Хитрая природа устроила так, что инстинкт самосохранения сильнее желания жить свободным. Не зря же человек ко всему привыкает и смиренно терпит.

Что могу я? Вероятно, всё! В пределах разумного. Я вижу причину трагедий человека, почему бы не помочь? Тем более жизнь скучна. У меня есть шанс неплохо развлечься и сделать множество добрых дел, удаляя лишние части человека, которые мешают ему нормально жить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.